

УДК 94+39

ТОРГОВЦЫ И ГОСУДАРСТВО В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ХАНСТВАХ XIII–XVII вв.

Р.Ю. Почекаев, кандидат юридических наук

Экономическая история тюрко-монгольских ханств на сегодняшний день является одним из подробно проработанных аспектов в историографии этих государств. Однако, насколько нам известно, политический и правовой статус торговцев до сих пор практически не привлекал внимания исследователей. В настоящей статье мы намерены рассмотреть основные вопросы взаимодействия торговцев и государственных структур в тюрко-монгольских государствах XIII–XVII вв.

Частные лица или государственные служащие?

Традиция покровительства ханов торговцам берет начало еще со времен Чингис-хана, активно привлекавшего на службу иностранных купцов, которые нередко становились впоследствии и крупными государственными чиновниками. Эту политику в полной мере продолжили и его ближайшие преемники — великие ханы Угедэй, Мунке, Хубилай. В истории хорошо известны имена торговцев, сделавших головокружительную административную карьеру: хорезмийцы Махмуд Йалавач и его сын Масуд-бек, создавшие целую династию ханских наместников в Мавераннахре, Абд ар-Рахман — даруга Китая, члены венецианского семейства Поло, исполнявшие дипломатические поручения великого хана Хубилая и др.

Как видим, все перечисленные имена — отнюдь не монгольского происхождения, что, конечно, не случайно: сами монголы торговлей не занимались и поэтому прибегали к услугам представителей народов, среди которых тор-

говая деятельность имела давние традиции¹. Наибольшее число торговцев среди подданных тюрко-монгольских правителей были родом из уйгуров, персов, немало было также и итальянцев из морских торговых республик. В ряде золотоордынских документов XIV в. встречаются имена торговцев, позволяющие предположить кипчакское происхождение их обладателей — например, купец Бачман, упомянутый в ярлыке золотоордынского хана Бердибека крымскому даруге Кутлуг-Тимур². Арабские средневековые историки упоминают об аланских торговцах, которые вели дела между Золотой Ордой и Египтом³.

Таким образом, национальный состав лиц, осуществлявших торговую деятельность, был весьма пестрым — как и состав социальный: под понятие «торговцев», т.е. лиц, осуществлявших куплю-продажу товаров, могли попасть самые различные категории подданных тюрко-монгольских государств, что наглядно подтверждается текстами дошедших до нас ханских ярлыков.

Так, правители Юань первой пол. XIV в. — Буянту-хан (1314 г.) и его мать (1321 г.) в своих тарханных ярлыках и грамотах освобождают духовенство различных конфессий от уплаты, в т.ч. и торговых налогов («тамги»)⁴. Аналогичным образом, в ярлыках крымских ханов Мухаммад-Гирея IV (1642 г.) и Ислам-Гирея III (1654 г.) предписывается не взимать торговые пошлины и сборы с представителей духовенства, которые в течение ряда поколений были «молитвенниками ханов»⁵. Это дает осно-

вания полагать, что духовенство в тюрко-монгольских государствах активно занималось торговой деятельностью — возможно, освобождение от торговых сборов даже и стимулировало его коммерческую деятельность.

Не брезговали торговлей и представители правящей верхушки чингизидских государств. Например, в ярлыке золотоордынского хана Тимур-Кутлуга, выданном потомственным владельческим тарханам Хаджи-Мухаммаду и Махмуду (1398 г.), содержится положение: «если они поедут в Крым и в Каффу или опять выедут, и если они там что бы ни было купят или продадут, да не берут с них ни (гербовых) пошлин, ни весовых»⁶. Порой ярлыки, жаловавшиеся представителям какой-либо профессии (например, ярлыки крымских ханов второй пол. XV в. крымским караимам-пчеловедам⁷) или населению города в целом (ярлыки Хаджи-Гирея, Нур-Девлета и Менгли-Гирея⁸), также содержали положения об освобождении их обладателей от торговых пошлин. Следовательно, эта льгота распространялась на всех представителей профессии или все население города независимо от того, занимались ли они коммерческой деятельностью постоянно или же эпизодически.

Торговцы нередко обладали значительным кругом льгот и полномочий, практически равным полномочиям государственных чиновников. Еще во времена великого хана Угедэя купцы могли перемещаться по всей Монгольской империи, бесплатно пользуясь ямскими службами и охраной. Эта практика прекратилась только с приходом к власти великого хана Мунке (1251 г.): «[поскольку] торговцы ездят для приобретения денег, какой смысл [давать] ездить [им] на почтовых лошадях. И приказал, чтобы они ездили на собственных животных»⁹. Политику Мунке продолжил и Хубилай, своим указом 1263 г. повелевший всем купцам платить установленные налоги и сборы¹⁰. Право путешествовать с вооруженной охраной торговцы сохранили, но после

реформ Мунке и Хубилая должны были и ее нанимать за деньги¹¹. Впрочем, и позднее купцы иногда (подкупая соответствующих чиновников или пользуясь родственными связями) получали возможность пользоваться ямскими службами, однако это было прямым нарушением законов, и в случае обнаружения торговцев ждало наказание. Весьма показательным в этом плане письмо подданного империи Юань — жителя тангутского города Хара-Хото XIV в., в котором есть такие строки: «Несколько дней тому назад от Ван Шан-люй привезли шафран, плоды и муку, и я их получил. Прежде Шан-люй с дядюшкой, советником Чжоу-эр, вместе ехал на почтовых и боялся, что дело обнаружится»¹².

Таким образом, со времени правления Мунке-хана торговцы лишились привилегий как профессиональное сословие. Однако последующие правители нередко обходили установления великих ханов, широко жалуя торговцам личное тарханство — освобождение от пошлин и сборов, и право пользоваться государственными ресурсами. Эта традиция сохранилась даже в конце XV—XVI вв. Так, например, Бабур в своих записках упоминает, что при взятии Самарканда в 1500 г. сражался с неким Фазил-тарханом, причем специально оговаривает, что этот Фазил не принадлежал к самаркандским тарханам (потомственной знати еще со времен Чингис-хана), а был купцом и получил тарханство от Мухаммада Шайбани-хана за оказанные ему услуги¹³.

Конечно, нельзя исключать, что купцы, стремясь освободиться от уплаты многочисленных налогов и пошлин, просто-напросто могли покупать себе тарханство и освобождение от уплаты налогов и сборов. Однако в ряде случаев пожалование им льгот и привилегий объяснялось, и в самом деле, теми услугами, которые они оказывали правителям тюрко-монгольских государств.

Дипломаты и шпионы

Одной из наиболее распространенных ипостасей «торговца на государст-

венной службе» была роль купца-дипломата. Наверное, наиболее известные примеры — это Махмуд Йалавач, ездивший в качестве посла Чингис-хана к хорезмшаху Мухаммаду II или семейство Поло, выполнявшее дипломатические миссии на службе у хана Хубилая (до того, как они официально стали чиновниками). Вспомним также и уже упоминавшееся у арабских историков «доверенное лицо из аланских торговцев», которое в начале 1260-х гг. осуществляло обмен посланиями между золотоордынским правителем Берке и египетским султаном Бейбарсом¹⁴.

Торговцы могли использоваться чингизидскими правителями в качестве дипломатов, прежде всего, на раннем этапе существования империи, когда в распоряжении ханов не было еще развитой дипломатической службы, и имелись только отдельные чиновники (большей частью китайские и уйгурские), выполнявшие функции послов эпизодически. Но уже к XIV в. в чингизидских государствах стали формироваться целые династии чиновников, среди которых были и потомственные дипломаты, поэтому надобность в широком использовании купцов в качестве послов к иностранным государям отпала автоматически.

Тем не менее, и позднее имели место случаи, когда ханы-Чингизиды отправляли своих купцов за границу в качестве своих посланцев. Так, например, в 1643 г. бухарский хан Абд ал-Азиз отправил в Москву «торгового человека» Ходжа-Ибрахима, выдав ему ярлык как своему представителю. А в 1703 г. другой бухарский хан Убайдаллах II отправил в Москву «купчину» Мир-Курбана, который должен был закупить товары для ханского двора. Торговцу был выдан ярлык, свидетельствующий о его дипломатическом статусе и праве вести переговоры с «Чаган-ханом», т.е. «белым царем»¹⁵.

Торговцы оставались востребованными в качестве дипломатов при осуществлении, можно сказать, «неофициальных» и «деликатных» миссий, когда

правители тюрко-монгольских государств стремились не слишком афишировать свои внешнеполитические устремления. Таким образом, «оборотной стороной медали» в процессе дипломатической деятельности торговцев была деятельность разведывательная.

Известно немало случаев, когда торговцы из тюрко-монгольских государств, находившиеся за рубежом, страдали из-за своей реальной или мнимой шпионской деятельности. Пожалуй, наиболее ранний пример относится, опять же, ко времени правления Чингис-хана: в 1218 г. в хорезмском городе Отраре был истреблен целый караван из 400 его торговцев, которых местный правитель обвинил в шпионаже в пользу монгольского хана. Примечательно, что все историки — как сторонники монголов, так и их противники — утверждают, что обвинение этих купцов в шпионаже было лишь предлогом, под которым отрарский правитель Гайир-хан захватил имущество этих купцов¹⁶.

И впоследствии торговцы неоднократно страдали из-за политических распри государей. Так, например, арабский автор ал-Умари сообщает о попытке Берке утвердиться в Иране с помощью торговли. Правитель Золотой Орды заключил перемирие с ильханом Абагой и попросил у него разрешения построить в Тебризе несколько ткацких фабрик. Эти фабрики по замыслу Берке должны были стать местами сбора его сторонников, а их работники — ордынскими соглядатаями. Узнав о планах золотоордынского правителя, Абага немедленно приказал разрушить его фабрики. Берке, в свою очередь, повелел перебить иранских торговцев, находившихся на территории Улуса Джучи¹⁷.

Использование торговцев в качестве шпионов и информаторов было распространено не только в государствах Чингизидов. Например, известно, что золотоордынские ханы Арабшах в 1378 г. и Токтамыш в 1382 г. при подготовке нашествий на Русь приказали захватить русских купцов, пребывавших на территории Золотой Орды, что-

бы они не сообщили русским князьям о готовящихся походах¹⁸.

Шпионаж под предлогом торговых отношений получил широкое распространение в Восточном Дешт-и Кипчаке на рубеже XV–XVI вв., когда обострилась борьба между узбеками Мухаммада Шайбани и казахскими султанами. Фазлаллах б. Рузбихан, придворный историк Шайбани-хана, сообщает, что в начале XVI в. «несколько раз был издан августейший указ, чтобы население Туркестана никаких торговых сделок с казахскими купцами не совершало, и чтобы между ними и жителями этих земель не было взаимных посещений и поездок купцов. Так что несколько раз в некоторых районах Туркестана и городах Хорезма было приказано ограбить казахских купцов. У ханского величества при издании этого указа были в виду разного рода и мудрые соображения...»¹⁹.

Зададимся вопросом: почему же торговцы соглашались выступать лазутчиками тюрко-монгольских правителей, если столь часто страдали за это? Повидимому, ханское покровительство, а также льготы и привилегии, получаемые в обмен на оказание «деликатных услуг», стоили риска, на который шли торговцы.

«Коммерческие предприятия с государственным участием»

Правители тюрко-монгольских государств не только привлекали торговцев на государственную службу. В меньшей степени они были заинтересованы и в основной профессиональной деятельности торговцев, и даже нередко являлись их компаньонами в коммерческих предприятиях. Эти «предприятия» известны под названием «ортаков» и представляли собой объединение капиталов торговцев и других участников, между которыми в дальнейшем делилась прибыль соразмерно их долям.

Начало традиции участия тюрко-монгольских правителей в «ортаках» положил Чингис-хан — как и основам торговой политике Монгольской империи в целом. В 1218 г., после заклю-

чения мира с хорезмшахом Мухаммадом основатель Монгольской империи прямо-таки приказал своим родичам и приближенным вложить средства в караван, идущий в Хорезм для торговли — тот самый, который затем был захвачен и истреблен в Отраре²⁰.

Несмотря на столь неудачный дебют, Чингизиды очень скоро поняли выгоду подобных «инвестиций» и уже при ближайших преемниках Чингис-хана стали широко вкладывать средства в торговые операции. Джувейни и Рашид ад-Дин в жизнеописании великого хана Угедэя приводят несколько сообщений о пожаловании ханом средств различным торговцам²¹. И хотя историки преподносят это как примеры великодушия и щедрости Угедэя, нет сомнения, что на самом деле речь идет именно о его вложениях в коммерческие предприятия.

Примеру великого хана следовали и его родственники, также широко вкладывавшиеся в «ортаки», нередко злоупотребляя своим положением. Так, например, Сорхуктани, супруга Тулуя (четвертого сына Чингис-хана) и мать будущего великого хана Мунке, однажды потребовала, чтобы Угедэй включил в состав своего посольства несколько «ортакчи», в товары которых она вложила свои средства. В составе дипломатической миссии ее компаньоны-купцы могли пользоваться всеми льготами, положенными имперским чиновникам и, соответственно, их затраты на путешествие были бы гораздо меньше, а прибыль — больше. Несмотря на сопротивление великого хана, его невестка сумела настоять на своем²². Позднее такими же приемами пользовались и другие чингизидские правители — например, хивинский хан Исфендиар в 1640 г. отправил в Москву посольство, в состав которого включил 12 торговцев, которые, таким образом, обладали дипломатическим статусом и, ведя обычную коммерческую деятельность, имели право на привилегии, принадлежащие послам²³. Неоднократно вкладывались в торговые предприятия золотоордынские правители Бату и Берке, а также и

персидские ильханы, тоже жаловавшие своим торговым партнерам ярлыки, предоставляющие льготы и привилегии²⁴.

Больших привилегий ортаки добились при дворе императоров Юань. Так, чрезмерное увлечение членов правящей династии торговыми операциями и, как следствие, усиление при дворе влияния «ортаков» вызвало негативную реакцию имперских чиновников, которые в 1324 г. подготовили указ об ограничении этой практики. Однако великий хан Йесун-Тэмур не только не подписал его, но и под давлением своих родичей приказал выплатить этим торговцам 102 000 дин бумажными деньгами за их заслуги перед империей²⁵.

И в дальнейшем «ортаки» пользовались значительным ханским покровительством в тюрко-монгольских государствах, что нашло отражения в официальных документах, сохранившихся до нашего времени. Так, золотоордынский хан Токтамыш в своем ярлыке-послании к польскому королю Ягайло (1392–1393 гг.) уделяет особое внимание свободному проезду ортаков между ордынскими и польско-литовскими владениями²⁶. Аналогичным образом, золотоордынский хан Улуг-Мухаммад, направивший впервые после долгого перерыва послание турецкому султану с предложением установить дипломатические отношения, специально оговаривает: «Пусть по суше и по воде ездят купцы-уртаки»²⁷. Крымский хан Мухаммад-Гирей IV в своем гахеднаме польскому королю Яну-Казимиру (1654 г.), отмечая преимущества политического союза, пишет: «В результате друг каждого из нас будет другом, враг – во враждебности, купцы Ваши будут ездить в Крым, Наши купцы в Вашу страну, установится взаимное посещение, утвердится любовь и дружба»²⁸.

Сохранялась практика покровительства «ортакам» и в пост-чингизидских государствах. Например, в 1388 г. монгольский князь Намун («императорский зять»), управлявший землями, под-

властными империи Мин, в послании к китайскому императору также предлагал, чтобы его «ортаки» могли торговать в китайских владениях беспоплавно, обещая, со своей стороны, договориться об ответных мерах со стороны чагатайских правителей Камула²⁹.

«Ортаки», таким образом, являлись своего рода профессиональными ассоциациями, которые выражали и защищали интересы своих членов. И, надо отметить, у торговцев было немало возможностей делать это на самом высоком государственном уровне.

Политическая роль торговцев в тюрко-монгольских государствах

Как мы убедились, торговцы нередко являлись весьма влиятельными людьми. Как следствие, они достаточно активно вмешивались в государственную политику, преследуя собственные интересы. Т. Оллсен в качестве примеров такого влияния торговцев в политической сфере приводит деятельность Махмуда Йалавача и Абд ар-Рахмана при Угедэе, Ахмада при Хубилае и пр³⁰. Однако мы не согласны с этими примерами, поскольку эти лица являлись лишь бывшими торговцами, ставшими чиновниками, и участие в государственной политике стало частью их прямых обязанностей. Другое дело, что они могли покровительствовать торговцам, которые через них (и других своих бывших коллег) лоббировали собственные интересы на государственном уровне. Так, например, Чжао Хун, посол китайской империи Южная Сун к Чингис-хану (1223 г.) упоминает о некоем уйгурском торговце по имени Тянь, который практически убедил великого хана начать войну с империей Цзинь³¹.

Весьма красноречивым проявлением влияния торговцев на государственную политику является следующий эпизод времени царствования Хубилая. Согласно Рашид ад-Дину, несколько высоких сановников «из числа зловерных, подлых и порочных [людей] своего времени» убедили великого хана издать указ о казни каждого, кто будет умерщвлять скот по мусульманскому обычаю

даже у себя в доме. Когда указ был издан, представители мусульманского купечества обратились к Санге, везиру великого хана и заявили, что в связи с этим указом мусульманские торговцы намереваются покинуть страну, что приведет к недостатке товаров, снижению поступления налогов и пошлин. В результате везир убедил хана отменить этот указ и позволить мусульманам совершать умерщвление скота согласно собственным предписаниям³².

Не подлежит сомнению активное участие мусульманского купечества в приходе к власти в Золотой Орде царевича Узбека в 1313 г. Хорошо известен эпизод, описанный средневековыми арабскими историками ан-Нувайри, ал-Макризи и ал-Айни: когда египетский султан ан-Насир пожелал жениться на царевне из дома Джучи, хан Узбек потребовал за ее огромный калым (по некоторым сведениям, в размере до 1 млн. динаров!), а когда посланцам султана не хватило средств, они вынуждены были занять их у ордынских купцов³³. Учитывая поддержку, которую мусульманские купцы оказали Узбеку ранее, этот эпизод (обычно трактуемый как проявление высокомерия и жадности золотоордынского хана) можно истолковать совершенно иначе: в благодарность за поддержку при захвате власти хан позволил своим друзьям-купцам совершить выгодную сделку, дав деньги египетским послам под большие проценты.

Похожим представляется и случай с великим князем московским Василием II, который, выиграв спор за великое княжение, был вынужден занять деньги у золотоордынских купцов «Резеп-Хози» и «Абиша» для подношений хану и его сановникам³⁴. По-видимому, заем у ордынских, а не у своих же, русских купцов объяснялся влиянием упомянутых торговцев при ханском дворе, также стремившихся получить с князя немалые проценты.

Весьма интересный факт подтверждает влияние золотоордынских торговцев на хана Джанибека. В 1340-е гг.

хан вел войну с венецианскими и генуэзскими колониями Причерноморья, причем поводом послужило убийство итальянским дворянином золотоордынского купца (подробнее мы этот случай рассмотрим ниже). Но к 1350 г. он был вынужден прекратить боевые действия – по просьбе своих же купцов, которые терпели значительные убытки из-за прекращения торговли с итальянскими торговыми республиками³⁵.

Нередко влияние отдельных торговцев при дворе объяснялось их способностью привезти правителю какую-либо редкую вещь или поведать об интересных фактах и событиях, происходивших в других государствах. Именно этим объясняется, в частности, благосклонное отношение золотоордынского правителя Берке и великого хана Хубилая к семейству Поло, разных ханов-Чингизидов к Ибн Баттуте и т.д. Соответственно, такие торговцы со временем либо сами становились государственными чиновниками, либо орудием влияния своих коллег при ханских дворах.

«Фритредерство» или «протекционизм»?

Итак, ханы имели существенный доход от своего партнерства с торговцами из числа своих подданных. Однако не меньше доходов приносили им и торговые налоги, взимаемые с иностранных купцов из разных стран, активно и выгодно торговавших с государствами Чингизидов. Казалось бы, в таких условиях, наилучшим решением была полная свобода торговли, ограничение вмешательства государства в торговую деятельность лишь сбором налогов и пошлин (причем, достаточно невысоких) – в дальнейшем такая политика получила название «фритредерства».

И в самом деле, известно немало документов, предоставляющих иностранным торговцам значительные льготы в государствах Чингизидов. Так, еще на рубеже 1260–1270-х гг. золотоордынский хан Менгу-Тимур выдал ярлык ганзейским купцам из Риги на право бес-

пошлинной торговли в Золотой Орде и повелел своему вассалу, великому князю Ярославу Ярославичу обеспечить им «путь чист», т.е. право беспошлинного проезда через русские земли³⁶. Золотоордынские ханы и персидские ильханы жаловали венецианским и генуэзским торговцам ярлыки, согласно которым те освобождались от уплаты одних налогов и сборов и имели льготы по другим³⁷. В 1370-е гг. временщик Золотой Орды Мамай от имени хана Мухаммада-Булака предоставил торговые льготы также польско-литовским купцам из Кракова и Львова³⁸.

Безусловно, такая политика была выгодна тюрко-монгольским правителям: сниженные или отмененные налоги и сборы компенсировались количеством зарубежных торговцев, привлеченных столь благосклонным отношением к ним ханов-Чингизидов. Кроме того, немалые средства ханы получали от выдачи купцам и торговым сообществам льготных ярлыков — в виде подношений или официальных сборов.

Тем не менее, говорить о «фритредерстве» в полной мере применительно к чингизидским и пост-чингизидским государствам XIII–XVII вв. не приходится. Ханы и правители прекрасно понимали, что подобная политика может привести их страны к зависимости от иностранных торговцев и ослаблению собственных ремесла и торговли. Именно с целью избежать такого развития событий ханы-Чингизиды всегда старались найти противовес чрезмерно влиятельным иностранным торговцам. Именно поэтому, например, Мамай в 1370-е гг., чтобы не зависеть целиком и полностью от итальянской морской торговли в Причерноморье, даровал льготы польско-литовским торговцам из Кракова, а затем (чтобы и они не стали монополистами в сфере внешней золотоордынской торговли) — их конкурентам из Львова.

Выдавая льготные ярлыки иностранным торговцам, чингизидские правители жаловали такие же ярлыки (даже в большем количестве) и собственным

купцам: до нашего времени сохранились тарханные ярлыки ханов Золотой Орды, Крымского и Казанского ханств, предоставляющие их подданным право беспошлинной торговли.

По сути, эти шаги представляли собой лишь «компенсацию» ханов по отношению к собственным подданным за свое же благорасположение к иностранным торговцам. Однако время от времени предпринимались шаги, имевшие целью именно стимулировать внутреннюю экономику и «поддержать отечественного производителя». Документально подтвержденный пример такой деятельности — поддержка ханами Золотой Орды местного кожевенного производства. В ярлыке хана Джанибека (1342 г.) содержится следующее положение: «Также, если окажется, что какой-либо венецианец присвоит или купит невыделанную шкуру, то ему надлежит, как это делают генуэзцы, уплатить нам торговый налог, максимальный размер которого 50%, а минимальный — 40%»³⁹. Это же положение присутствует и в последующих ярлыках Джанибека (1347 г.) и Бердибека (1358 г.), что не случайно: кожевенное производство было одним из наиболее развитых в Золотой Орде, и поэтому приобретение иноземными купцами невыделанных шкур лишало работы и заработка значительное число местных производителей. Соответственно, хан своим указом защищал интересы ордынских ремесленников⁴⁰.

Но если тюрко-монгольские правители XIII–XV вв. выдавали ярлыки и иностранным и собственным торговцам как пожалования, освобождение от налогов, то в более поздние времена эти указы превратились в орудие регулирования торговли, управления ею. Так, например, ногайские торговцы, отправлявшиеся торговать за рубеж, должны были в обязательном порядке получить «ерлык» бия — верховного правителя Ногайской Орды. Если у них не было «ерлыков», то их торговля считалась контрабандной, и они могли понести за нее наказание⁴¹.

Иногда формы защиты интересов собственной торговли приобретали и более активные формы. Так, например, один из выдающихся среднеазиатских монархов Мухаммад Шайбани в молодости, в годы своего «казачества» даже лично сопровождал в качестве военного эскорта купеческие караваны, направлявшиеся в подконтрольные ему города на Сырдарье⁴².

Другой пример: в 1646 г. московские «гости» (торговцы) в Хивинском ханстве были ограблены — причем, не «трухменцами» (туркменскими подданными хивинских ханов, которые грабили как иноземные, так и собственные, хивинские караваны), а самим ханом Абу-л-Гази, который, к тому же, еще и приказал бросить русских купцов в темницу⁴³. Представляется весьма трудным объяснить эти действия хана, поскольку никакой войны с Россией Хива тогда не вела, а напротив — поддерживала дипломатические отношения. Полагаем, что причиной стало именно соблюдение интересов собственных купцов, опасавшихся конкуренции со стороны русских торговцев. Любопытно, впрочем, что когда подобный же инцидент снова имел место в Хиве, хан Абу-л-Гази объяснил царю Михаилу Федоровичу причины задержания русских купцов тем, что... опасался, как бы их не ограбили туркмены⁴⁴.

Отметим, впрочем, что и в России того времени нередко чинились обиды хивинским и бухарским купцам⁴⁵, так что действия хивинского хана могли стать своего рода ответной мерой. Подобная политика была весьма распространена в тюрко-монгольских государствах и нуждается в особом рассмотрении.

Престиж торговцев — престиж государства

Торговцы были не только источником доходов для ханов и правителей тюрко-монгольских государств — в первую очередь, они являлись их подданными, и поэтому статус торговцев вообще и каждого отдельного купца в частности в иностранных государствах

был предметом интереса чингизидских и пост-чингизидских правителей.

Соответственно, отношение к торговцам за рубежом для тюрко-монгольских правителей символизировало отношение иностранных правителей к ним самим и вызывало соответствующую ответную реакцию. Мы уже обращали внимание, что, например, в Золотой Орде существовал ряд налогов и сборов, которые отсутствовали в Монгольской империи и других чингизидских ханствах, но зато были широко распространены в Европе — в частности, таможенные пошлины, пограничные сборы и пр. Несомненно, их появление в налоговой системе Золотой Орды следует считать ответными мерами на соответствующие налоги и сборы, взимаемые с ордынских купцов в европейских государствах⁴⁶.

Соответственно, оскорбления, наносимые купцам — подданным тюрко-монгольских ханов воспринимались как оскорбление ханского достоинства и нередко влекли серьезные последствия в международном масштабе. Так, в 1343 г. в Азове в результате уличной драки знатный венецианец Андреоло Чиврано убил ордынского купца Ходжу Омара. Из-за этого многие европейские жители и посетители Азова были ограблены и убиты, другим пришлось бежать. Джанибек, разгневанный на европейцев, которые вели себя столь вызывающе в его владениях, повелел изгнать всех итальянских торговцев из Таны сроком на пять лет⁴⁷. Кроме того, по приказу хана в устье Дона было разрушено поселение Порто-Пизано, принадлежавшее (как следует из его названия) пизанским купцам, которые с этого времени практически лишились возможности вести торговлю с Золотой Ордой⁴⁸. Не удовлетворившись этим, Джанибек в 1344 и 1345 гг. осаждал Кафу, генуэзские правители которой поддержали венецианцев в противостоянии с ханом. Обе осады оказались безрезультатны, но хану удалось взять реванш, все же запретив итальянцам торговать в Золотой Орде. Благодаря

сильному влиянию итальянских купцов при ханском дворе, в 1347 г. запрет был снят, и венецианцы Азова снова могли вести свою коммерцию во владениях Джанибека: они получили новый ханский ярлык, в котором, правда, налог с оборота был увеличен с 3 до 5%⁴⁹.

В 1353 г. произошел еще один венециано-ордынский конфликт: в Средиземном море, венецианцы взяли на abordаж генуэзскую галеру и захватили в плен ее пассажиров, среди которых оказалось несколько купцов — подданных золотоордынского хана, причем один из них был убит, а остальные раздеты едва ли не догола и брошены в темницу. В результате начался длительный судебный спор, который от Джанибека перешел «по наследству» к его сыну Бердибеку. Новый хан поручил разбор дела своей бабке Тайдуле и крымскому даруге Кутлуг-Тимуру. Ханша и сановник удовлетворились денежной компенсацией пострадавшим и их семьям (не забыв выговорить и себе вознаграждение «за труды»), так что обидчики сравнительно легко отделились⁵⁰.

Подобные длительные разбирательства имели место и в дальнейшей практике тюрко-монгольских государств. Так, в течение 1614—1615 гг. в Москве шло разбирательство дела бухарского «купчины» Науруза, который был отправлен с дарами от хана Имам-Кули к царю Михаилу Федоровичу, но по дороге ограблен самарским воеводой Д.П. Пожарским. В дело вмешались бухарский хан и московский царь, вступившие в переписку, но рассмотрение закончилось ничем⁵¹. Нас, впрочем, интересует не столько результат, сколько

уровень разбирательства подобных дел, свидетельствующий о том, какое значение придавали ханы-Чингизиды отношению к своим торговцам со стороны иностранных государей и как настойчиво старались защитить их интересы — хотя бы и дипломатическими методами.

Выводы

На основе вышесказанного можно утверждать, что со времен Чингис-хана торговцы играли существенную роль в политической жизни тюрко-монгольских ханств. Преемники Чингис-хана в полной мере следовали политике своего родоначальника в торговой сфере, всемерно покровительствуя торговцам как внутри страны, так и на международной арене. Покровительство монархов постоянно находило отражение и в их правовых актах, и в международной переписке.

Конечно, в разные времена и при различных правителях отношение к торговцам менялось, но в целом оно оставалось преимущественно благожелательным, поскольку торговцы могли быть полезны государству (и государям) в самых разных ипостасях — как компаньоны в коммерческих предприятиях, дипломаты и шпионы... Не удивительно, что ханы-Чингизиды и их преемники уделяли столь пристальное внимание развитию торговли и создавали торговцам из числа своих подданных «режим наибольшего благоприятствования». Сами торговцы нередко имели большое влияние при ханских дворах, а отношение к ним на международной арене могло привести даже к войне тюрко-монгольских государей с иностранными правителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина / Пер. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. — М., 1960. — № 5. — С. 144.

² Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002. — С. 189.

³ История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Подгот. нов. изд., введ., доп. и коммент. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминоva. Алматы, 2005. — С. 69, 88.

- ⁴ *Поппе Н.Н.* Квадратная письменность. — М.; Л., 1941. — С. 65, 69, 73.
- ⁵ *Смирнов В.Д.* Крымско-ханские грамоты. Симферополь, 1913. — С. 31-32.
- ⁶ *Григорьев А.П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература. — 2006. — С. 99; *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. III. 1889. — С. 21.
- ⁷ *Самойлович А.Н.* Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV-XVII вв. // Самойлович А. Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. — М., 2005. — С. 233-234.
- ⁸ *Смирнов В.Д.* Татарско-ханские ярлыки из собрания Таврической учёной архивной комиссии // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1917. № 54. — С. 8-14. См. также: *Усманов М.А.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань, 1979. — С. 62-72.
- ⁹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевского. М.; Л., 1960. — С. 141. См. также: *Allsen T. T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200-1260 // *Asia Major* Ser. 3. Vol. 2. Part 2. 1989. — P. 105-107.
- ¹⁰ *Endicott-West E.* Merchant Associations in Yuan China: The *Ortoy* // *Asia Major*. Ser. 3. Vol. 2. P. 2. — 1989. P. 10-141.
- ¹¹ *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. — С. 97; *Di Cosmo N.* Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // *Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World* / Ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden; Boston, 2005. — P. 399-400.
- ¹² *Иванов А.И.* Документы из города Хара-Хото. I. Китайское частное письмо XIV века // Известия Императорской Академии наук. VI сер. Т. VII. 1913. Сентябрь-декабрь. №№ 12-18. Второй полутом. — СПб., 1913. — С. 815.
- ¹³ *Бабур-наме* / Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1992. — С. 102.
- ¹⁴ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. — С. 69, 88.
- ¹⁵ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVIII вв. // Труды историко-археологического института и института Востоковедения. Материалы по истории СССР. Вып. 3. Л., 1932. — С. 185, 276-277.
- ¹⁶ *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З. М. Бунятова. — М., 1996. — С. 73-74; *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997. — P. 78-80. Ср.: *Тузмухамедов Р.А.* Некоторые международные и международно-правовые аспекты, создания, существования и падения Золотой Орды // Московский журнал международного права. 1995. № 1. — С. 122.
- ¹⁷ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. — С. 177-178.
- ¹⁸ Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000. — С. 281; *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. — М., 1978. — С. 45; *Татищев В.* История Российская. В 3 т. Т. 3. М., 2005. — С. 148.
- ¹⁹ *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани.* Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. — М., 1976. — С. 101.
- ²⁰ *Allsen T. T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners. P. 88-90; *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror. — P. 209-211.
- ²¹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. — С. 54-56; *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror. — P. 209-211.
- ²² *Allsen T. T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners. — P. 116
- ²³ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — С. 147.
- ²⁴ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. — М., 1998. — С. 117-118; *Allsen T. T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners. — P. 109-112.
- ²⁵ *Endicott-West E.* Merchant Associations in Yuan China. — P. 149-151.

- ²⁶ Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука. — С. 6. См. также: *Melek Ozuyetgin A.* Orta Zaman Turk Dili ve Kulturu Uzerine Incelemeler. Ankara, 2005. — P. 172.
- ²⁷ Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. — М., 1975. — С. 55. См. также: *Melek Ozuyetgin A.* Orta Zaman Turk Dili ve Kulturu Uzerine Incelemeler. — P. 173.
- ²⁸ Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654-1658. — М., 2003. — С. 105.
- ²⁹ *Endicott-West E.* Merchant Associations in Yuan China. — P. 152-153.
- ³⁰ *Allsen T.T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners. — P. 124.
- ³¹ Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с китайского, введение, комментариев и приложения Н.Ц. Мункуева. — М., 1975. — С. 72. См. также: *Allsen T.T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners. — P. 125.
- ³² *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. — С. 190-191.
- ³³ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. — С. 136-137, 310, 363-364.
- ³⁴ *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. — М., 1991. — С. 60-61.
- ³⁵ *Шостак В.* История черноморской торговли в средних веках. Ч. I. Одесса, 1850. — С. 86.
- ³⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанева [и др.]. Под ред. С.Н. Валка. — М.; Л., 1949. — С. 57. См. также: *Allsen T.T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners. — P. 84.
- ³⁷ См., напр.: *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002; *Кенпен П.* О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. — С. 85-87; *Мурзакевич Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. — С. 51-52; *Desimoni C.* Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380-1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano fondata da G.P. Vieusseux. 4-a ser. T. XX. Firenze, 1887; *Di Cosmo N.* Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries; *Mas Latrie L. de.* Privilege commercial accorde en 1320 a la Republique de Venise par un roi de Perse, faussement attribute a un roi de Tunis (Extrait de la Biblioteque de l'Ecole des Chartes). Paris, 1870.
- ³⁸ *Хеллер К.* Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. — Казань, 2001. — С. 119.
- ³⁹ *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. — С. 73.
- ⁴⁰ *Григорьев А.П.* Коллекция золотоордынских документов середины XIV века из Венеции // Востоковедение. Вып. 22. 2002. — С. 217.
- ⁴¹ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. — С. 523. См. также: *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III — середина XVI в.). — Казань, 2007. — С. 263-264.
- ⁴² *Камал ад-Дин (Шир-) Али Бинаи.* Шайбани-наме («Книга о Шайбана») // Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. А.-А., 1969. — С. 111.
- ⁴³ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 202. См. также: История России: Россия и Восток. — СПб., 2002. — С. 200.
- ⁴⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — С. 206-207.
- ⁴⁵ См., напр.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — С. 110-111, 114.
- ⁴⁶ *Почекаев Р.Ю.* Статус ханов Золотой Орды: правовое регулирование // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005. — С. 154-155.
- ⁴⁷ *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. — С. 79; *Гузейров Р.* Товарно-денежные отношения и караванные пути Хаджитархана в XIII-XIV веках // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2000. № 3/4.
- ⁴⁸ *Хеллер К.* Золотая Орда и торговля с Западом. — С. 118-119.
- ⁴⁹ *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. — С. 104-105.

⁵⁰ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. – С. 172, 185-191, 199-206, 215-217; Карпов С. П. Латинская Романия. – СПб., 2000. – С. 177-178.

⁵¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. – С. 110-113.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношения торговцев и властей в тюрко-монгольских государствах XIII–XVII вв. Автор рассматривает место и роль торговцев в государственной структуре и политической жизни чингизидских и пост-чингизидских ханств, государственное регулирование торговой деятельности, влияние торговых интересов на внешнюю политику этих государств, отражение вопросов торговой деятельности в правовых актах.

Автор приходит к выводу, что на протяжении веков торговая политика чингизидских государей отличалась последовательным покровительством торговцам, защитой их интересов, поскольку часто сами монархи были заинтересованы в прибыльности коммерческих предприятий.

Ключевые слова: торговцы, ханство, ярлыки, тарханы, Монгольская империя, Чингисхан, Золотая Орда, тюрко-монгольские государства.

Summary

The subject of article is relations between merchants and authorities in Turk-Mongol states of 13th–17th centuries. Author analyses the place and the role of merchants in state structure of Genghiskhanids' and post-Genghiskhanids' states, state policy of trade, influence of merchants' interests on foreign policy of these states as well as reflection of trade activity in legal acts.

Author consists that the trade policy of Genghiskhanides during the ages was successive in protection of merchants, their interests as very often monarchs themselves had interests in the commercial enterprises and their profits.